

Лана Барсукова

Счастливые неудачники

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Художественное оформление серии *Анастасии Ивановой*

Иллюстрация на переплете *Анжелы Джерих*

РОМАН В ПЯТИ НОВЕЛЛАХ

Барсукова, Лана.

Б26 Счастливые неудачники / Лана Барсукова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-119307-2

В одном обыкновенном городе живут самые обычные люди. Они не нажили богатства, не сделали карьеру и не совершили ничего героического. Но не торопитесь относить их к неудачникам. У каждого из них были взлеты и падения, они захлебывались от счастья и едва дышали от боли. Они борются за счастье, за любовь, за порядочность. И они побеждают. «Счастливые неудачники» — книга про нас с вами.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119307-2

© Барсукова С., 2019
© Анжела Джерих, иллюстрации, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Вместо предисловия

Подвал был самый обыкновенный. Примечательной оказалась только табличка на входе. Яркое пятно на облезлой стене. Пузатые голубые буквы на фоне канареечного цвета. Как титры к мультфильму. «Детский клуб».

Лестницу клуба шлифовали детские ботиночки, за которыми едва поспевали растоптанные сапоги старшего, уставшего поколения. Картина была ежедневной, привычной и понятной.

Волны радости омывали этот подвал. Дети и родители шли туда за свободой друг от друга. Одни вырывались из педагогических тисков, куда их загнали папы и мамы, начитавшиеся умных книжек. Другие мечтали отправить ребенка на свидание с прекрасным и получить передышку от его вопросов, капризов, призывов поиграть и предложений пошалить. Словом, спуск в подвал означал восхождение в лучший из миров.

И мало кто задумывался о судьбах тех, кто вдохнул в этот подвал жизнь. Руководители кружков бы-

Лана Барсукова

ли частью этих стен, низкого потолка и малогабаритных окон. Они выросли в эти комнатки, наполнив их своей энергией, как растение заполняет горшок корнями. Живые привидения, готовые работать за смешную зарплату и микроскопический престиж.

У них часто спрашивали о способностях детей, но никогда не интересовались их судьбами. Стеснялись. Считали неделикатным. Как будто своими расспросами принудят рассказать о жизненном фиаско. Не от хорошей жизни взрослые люди целыми днями общаются с детьми. Ладно бы со своими. Так ведь с чужими. К такому берегу может прибиться только потерпевшее крушение судно.

Всего их было пятеро. Не судно, а целая флотилия. Знакомьтесь:

Ирочка — веселая и немного странная одинокая оптимистка, учит детей рисовать;

Маруся Ивановна — ни дня без пластилина;

Сан Саныч — баянист с покалеченной рукой и судьбой;

Изольда — изумительная женщина, выжигающая по дереву;

Петрович — застрявший в прошлом веке фотограф.

Вот такая непрезентабельная компания. И у каждого своя история, своя тропинка, по которой он пришел в этот детский клуб. Разные судьбы, пересекающиеся во времени и пространстве. Истории

Вместо предисловия

этих людей совсем непохожие, ведь одинаковых судеб не бывает. Но у наших героев много общего: они все хотят счастья, любви и все живут в одной стране, с которой так непросто ужиться.

Это роман в пяти новеллах. Единое полотно из нескольких фрагментов. Как будто сшитое из лоскутов одеяло. Каждый лоскутик проживает целую жизнь, прежде чем станет малюсенькой заплаткой на полотне вечности.

Модная штучка

—**З**ашибись! Не успела зарегистрироваться, как полным-полно заманок, — возбужденно комментировала Ирочка поиск работы с помощью интернета.

В переводе на обычный язык это означало «не успела зарегистрироваться, как пришло много предложений». Но Ирочка предпочитала более современную, как ей казалось, речевую форму. Ей доставляло удовольствие выворачивать слова, обрезать их, наращивать в самых непредсказуемых местах, отчего речь становилась «фирменной», только ей присущей. Делала она это не для «прикола» и не для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. Ирочке было глубоко наплевать на то, как она смотрится со стороны. Просто ее душа просила нестандартных форм выражения.

Круг ее знакомых имел многолетний стаж, а время делает дружбу покладистой и терпимой. Старые друзья ее любили, хоть и с нотками снисхождения к ее странностям. Ласково называли Ирочкой, то

Модная штучка

ли в память об Эллочке-людоедочке, то ли умиляясь ее самобытностью.

Новые же знакомые сначала удивленно округляли глаза, но постепенно привыкали к ее пунктирной речи и размашистым манерам. И, посмеиваясь над ее странностями, становились членами Ирочкиной компании, объединенными чувством превосходства над забавной подругой, паразитируя на ее неумном, каком-то первозданном оптимизме. Даже о проблемах Ирочки рассказывала так, что получалось вкусно и жизнеутверждающе:

— Прикинь, шеф обворовался, а меня уволякали. Полфирмы в расходняк пустили. Не фирма, а штрафбат какой-то. Очуметь можно. Я прямо наревелась до одури. А потом подумала, и фиг с ним. Шеф-то наш уже позеленел от своих миллионов. А мне зеленый цвет не идет, лучше буду розовой безработной.

Ну кто еще мог так жизнерадостно рассказывать о вступлении в ряды безработных? Только она. И в свете таких историй у любого слушателя возникало чувство, что его проблемы не такие уж и проблемные.

Личная жизнь Ирочки была такой неказистой, что дружба подруг успешно выдерживала испытание завистью. У кого-то муж пил, у кого-то гулял, у кого-то занудствовал, а у Ирочки мужа не было вообще. Никогда. Ни по данным ЗАГСа, ни по сведениям бдительных соседок. Так, залетные ухажеры, не

Лана Барсукова

оставлявшие ей ни квадратных метров, ни банковских счетов, ни внебрачных детей. На этом фоне любая подруга чувствовала себя в выигрыше, что повышало градус любви к Ирочке. Бездетная, одинокая, небогатая оптимистка — воплощение идеала женской дружбы. А друзья-мужчины, бравируя знанием мужской психологии и в знак глубочайшей симпатии, предупреждали Ирочку: «Торопись, после сорока ты нахрен никому не будешь нужна». А как торопиться? Что делать, если не складывается?

Но вдруг, в один заурядный день, жизнь тихо сползла на новые рельсы и покатила, набирая скорость. Вообще-то скорость растёт, если поезд катится под откос. А тут жизнь пошла в гору, набирая ускорение против всех законов физики.

Все началось весьма прозаично. «Зарегавшись» на сайте вакансий, Ирочка получила «заманку» от фирмы по производству гипсовых «фигулин для красатулин», то есть фигур для декорирования дачных участков. Эти гипсовые гномы и зайцы были довольно пошлыми, и народ их сторонился. Глядя на них, редкий остряк не декламировал фразу из советской комедии: «Налетай! Торопись! Покупай живопись». Фирма почему-то решила, что все дело в нерадивости сотрудников, недостаточно активно втюхивающих товар населению. В результате часть работников уволили и начали набирать новых. Ну действительно, нельзя же уволить гномов и зайцев, значит, надо что-то делать с кадрами. Ведь кад-

Модная штучка

ры решают все. Кажется, это говорил Сталин. Но он не видел этих гномов.

Вот в такую фирму и пришла Ирочка. Менеджер, проводивший собеседование, постоянно говорил «давайте». «Давайте познакомимся...», «давайте представим ситуацию...», «давайте проанализируем.» Ирочка, уставшая от такого словесного однообразия, претившего ее натуре, не выдержала: «Если вечно всем давать, обломается кровать». И озорно улыбнулась. Просто так, для поднятия настроения, чтоб нескучно было. Мужик слегка ошалел, покраснел и экстренно закончил собеседование, обойдясь без традиционного «мы вам позвоним». Ирочка поняла, что вакансия прошла мимо нее, но не сильно огорчилась. Гипсовые гномики, зайчики и ангелочки показались ей слишком жеманными, с ними не хотелось иметь никаких общих дел. Особенно странными были гипсовые купидоны. Ирочка тут же представила, как эти малолетние толстячки с кривой улыбкой целятся в поднятый зад дачника, согнувшегося над грядками.

Собеседование закончилось ничем. Так думала Ирочка. И ошибалась. Через несколько дней неизвестный номер высветился на экране ее мобильного телефона. «А давайте куда-нибудь сходим» — по фигуре речи она узнала представителя гипсовых купидонов. «Давайте», — просто ответила Ирочка. Шутить почему-то не хотелось. Тем более что она помнила: перед ее шутками он пасует.

Лана Барсукова

Но хоть купидоны были и гипсовые, стрелы у них оказались самые настоящие. Спустя несколько месяцев Ирочка услышала: «А давай поженимся». Вместо ответа она кивнула. А что тут скажешь? Приближался сорокалетний рубеж, нужно было торопиться.

* * *

Аркадий, ее муж, торговавший гипсовыми фигурами для ландшафтного дизайна, а попросту для украшения дачных участков, очень скоро потерял работу. На своем горьком опыте он выяснил, что традиционные шесть соток не вмещают больше одного гипсового гномика. А угождая богатых клиентов брезгуют этими плебеями, предпочитая мраморные пародии на творения Родена. Благо французский скульптор заблаговременно умер, поэтому в суд подать не мог.

При увольнении в качестве утешительного приза, точнее, вместо зарплаты за последний месяц Аркадию выдали армию гипсовых фигурок – гномов с фонарями, зайчиков с ушами, ангелов с крыльями и домовых с ухмылкой. Были еще грешницы с кувшинами на гипсовых плечах. Почти как девушки с веслами, только хуже. «Гипсорята», как Ирочка их назвала, заняли все свободные метры их квартиры. Теперь можно было передвигаться только бочком, на манер краба, рискуя оцарапаться о торчащие из всех щелей гипсовые члены. Ар-

Модная штучка

кадий стеснялся этой армии, словно он навел на дом гипсовую чуму. Друзья искренне соболезновали, но никто не приобрел ни одного, даже самого маленького гнома. И только Ирочка резвилась от души, найдя в этих гипсовых джунглях достойный полигон для своего неумемного оптимизма. «Надо наших сожителей подшармить», — сказала она и начала обихаживать несчастных «гипсорят».

Свеклой, недорезанной в винегрет, она накрасила щеки дачному гному, приклеила пуговицы на воображаемую ширинку, нарисовала тушью татушку и внесла еще с десятков радикальных усовершенствований, включая полосатую шапочку с помпоном поверх гипсового темечка. Ее оптимизм выплеснулся на голову ни в чем не повинного благообразного гнома. Получился гном-гопник, хулиганистый и залихватский. Его фотка ушла в социальные сети. А оттуда в ответ — волна остроумных комментариев, провокационных советов и фривольных рекомендаций. Гном пошел гулять по сети, ловко перепрыгивая с сайта на сайт.

Но путешествие по Всемирной паутине было недолгим. Его пожелал купить какой-то отчаянный любитель оригинальности. Судя по сумме, которая была предложена, он не просто «пожелал», а «возжелал» этого гнома. Только страсть делает человека безумным.

Ирочка и Аркадий к приезду покупателя убрали подальше ножи и вилки, ожидая увидеть сумас-

Лана Барсукова

шествие в острой форме. Только чокнутый, по их мнению, мог предложить за гнома-гопника такие деньги. В нетерпении выглядывали в окно, делая ставки: на самокате или на роликах появится этот странный человек? В зеленый или красный будут покрашены его волосы?

Но к подъезду подъехал дорогой автомобиль цвета мокрого асфальта, из которого появился мужчина, словно сошедший с рекламы солидного стиля. Даже с высоты второго этажа, откуда выглядывали молодожены, было видно качество его ботинок. То самое качество, которое в рекламах приписывают исключительно «настоящим мужчинам». Волнение, исходящее от него, касалось лишь одного — что он не успеет приобрести этого заветного гнома, что перекупят конкуренты. Аркадий оценил машину и ботинки и, будучи опытным менеджером по продажам, понял, что Ирочкин гопник попал в премиум-класс. Обрадованный супруг быстро смекнул, что за скромные деньги серийные гномы никому не нужны, даже если бесплатно в придачу к ним давать гипсовых русалок. Но как «авторская работа» пойдут за большие деньги. Да что там гномы! Есть же еще девы с кувшинами, зайцы и прочая зоология и фольклор!

И пошло-поехало. «Гипсорята» разлетались, как пирожки на вокзальной площади, еще тепленькие. Ирочка озорно и весело пускала в ход крупу, перья, капала воском, поливала расплав-

Модная штучка

ленным сургучом, обсыпала конфетти и обклеивала бутылочными крышками. Она неожиданно для себя поняла, что у настроения есть цвет, форма, объем и даже запах. И упивалась своим открытием. Это было ни с чем не сравнимое чувство, волнующее и сладкое, похожее на душевное землетрясение, когда толчки творческой энергии подбрасывали ее среди ночи и заставляли, дрожа от нетерпения, превращать ничто в нечто. Бесцветные гипсовые фигурки становились персонажами со своими характерами и даже с личной жизнью, которая угадывалась в деталях. Вот приклатненный заяц, явно прошедший зону. А вот постаревшая русалка, всю жизнь безуспешно охотившаяся за Садко.

Ирочка ловила свое настроение за хвост и прищипливала его к гипсовым фигуркам, как будто оставляла себе на память. Единственное, что ее удивляло, как ее настроение может быть кому-то интересно. Денежный эквивалент чужого интереса был ей неизвестен. Этим занимался муж. Она не вникала в финансовую сторону вопроса. Зачем? Это же так скучно вести учет доходов и расходов. На свете для Ирочки самыми кошмарными словами были «бухгалтерия» и «стоматология». Гораздо веселее и интереснее размышлять о том, как утешить русалочку с помощью парика из серпантина. И потом, о деньгах думают, когда их нет. А у них с Аркашей с этим все было в порядке. На жизнь ей

Лана Барсукова

хватало. И даже на очень приятную жизнь — с мужем, с весельем, с творчеством. А что еще надо?

К этому времени Аркадий создал небольшую фирмочку и самолично ваял для Ирочки гипсовые заготовки, разбавив традиционных гномов и девиц новыми персонажами. Политических деятелей они не трогали, на это было табу. Но вовсе не из-за любви или уважения к рулевым нашего огромного нефтяного корабля. Просто Аркадий решил не уподоблять их с Ирочкой изделия арбатским матрешкам, по которым можно было изучать историю страны. Арбат — это другой ценник, другая рыночная ниша, для туристического племса, а Аркаша работал на премиум. Было сказано решительное «нет» всему, что хоть отдаленно напоминало изделия, выставяемые в киосках. Только эксклюзив. Только буйство фантазии самобытной Ирочки. Ну кому еще в голову придет собирать рыбную чешую, ходя с протянутой рукой по соседям, чтобы потом обвалить в этом водяного с ластой на голове? А чего стоил ее ежик, гордо несущий на спине сухофрукты? Ирочкины «гипсорята» получались стильно-чумовые, отвязно-эпатажные.

Довольно быстро Аркаша понял, что для поднятия ценника еще выше нужна красивая история о рождении нового стиля. Нельзя, чтобы люди узнали про зарплату, выплаченную гномами. Про случайность первой продажи. И про чувство легкого обалдения от первого гонорара, на который они

Модная штучка

гуляли целую неделю, регулярно выпивая за здоровье «лоха» в дорогом авто. Все эти подробности нужно предать анафеме, ни в коем случае не проговориться о них, лучше стереть даже из собственной памяти.

Необходима звонкая история про долгие годы творческого томления, страха выйти за рамки дозволенного, про накопившийся протест против условностей, сковывающих художника цепями самоцензуры. Хорошо бы запустить байку про то, как Ирочку выгнали из художественной школы за буйство фантазии и бескомпромиссную оригинальность. Дескать, она с детства была бунтаркой, видела жизнь иначе, чем остальные дети. Не могла рисовать и лепить, как все. И сколько она натерпелась от репрессивной системы отечественного образования, безуспешно пытающегося загнать ее в стандартные рамки, привести к общему знаменателю. Обязательно нужны яркие картинки. Например, как потом поседевшая учительница из той самой художки, гнобившая Ирочку-ученицу, со временем осознала свое невежество и ограниченность и встала на колени перед гномом с татушкой. Словом, работы у Аркадия — непочатый край.

Пора выводить Ирочку в публичное пространство, сделать ее участницей ток-шоу, а может, и фотосессию для мужского журнала провернуть. Чтобы в газетах мелькало ее мнение о положении в Сирии, о кремлевской диете, об отношении к сур-

Лана Барсукова

рогатному материнству, о присоединении Крыма и реставрации монархии. Словом, ни дня без публичности. Встала, умылась и плюнула в вечность.

Но тут нужно крепко подумать. Возможно, стоит сделать все наоборот. Публичность ведь может «приземлить» образ художницы, быстро надоест. И потом по поводу того же Крыма мнения различаются, причем кардинально. Станут ли покупать «гипсорят» те, кто придерживается другой точки зрения? И какой другой? Куда лучше встраивать Ирочку – на Первый канал или на «Эхо Москвы»? Нет, это опасный путь. С конъюнктурой можно не угадать.

Не лучше ли избрать имидж затворницы, игнорирующей мир за пределами творческой мастерской? И тогда строить историю загадочной художницы, живущей в уединении и не допускающей к себе журналистов. Которая в ток-шоу не только не участвует, но даже не знает об их существовании. Которая презирает всю масс-культуру и телевизор как ее воплощение.

Аркаша ломал голову над этими вопросами днем и ночью. Как будет эффективнее? Что создаст больший резонанс вокруг имени Ирочки? Ведь чем эффективнее история Ирочки-художницы, тем эффективнее их бизнес. Чем больше внимания к Ирочкиной персоне, тем больше ценник на ее «гипсорят». В результате взвешивания всех «за» и «против» Аркадий решил делать Ирочку публичной персоной,

Модная штучка

мелькающей на телевизионном экране как можно чаще, однако избегающей острых политических дебатов. Пусть лучше обсуждает, почему от Ольги Бузовой ушел муж, чем почему Крым ушел от Украины. Важно не потерять покупателей самых разных политических ориентаций.

Как менеджер по продажам Аркадий отлично знал, что все узнаваемое легко может стать продаваемым. Известность конвертируется в рубли точно так же, как доллары и евро. Надо быть персоной «на слуху» и «на виду», чтобы отвоевать кусок этого странного рынка, называемого искусством, где нет критериев качества, нет разумного ценообразования, вообще нет здравого смысла, а есть только тщеславие так называемых ценителей искусства и цинизм тех, кто делает на этом деньги. Аркаша презирал искусство и особенно «почитателей» разномастных талантов, но уважал тех, кто сумел серьезно на этом заработать. Ведь надо же было так обставить дело, чтобы заморить Ван Гога голодом, а после смерти художника продавать его картины по рекордным ценам. Гениальная афера! Эти мысли согревали кровь, но прогоняли сон Аркадия.

Он мотался по Москве, как заяц по лесу, не зная ни минуты покоя. Знакомился с журналистами, продюсерами и редакторами, понимая, что без поддержки СМИ не обойтись. Он прикидывал, как и с кем нужно подружиться, чтобы протолкнуть жеману в медийное пространство, сделать ее имя узна-

Лана Барсукова

ваемым. Начал активно интересоваться, сколько стоит мутная статья какого-нибудь искусствоведа про то, как точно Ирочка уловила нерв эпохи, визуализировала свое время. Оказалось, что совсем недорого.

В размышлениях о брендировании собственной жены Аркадий проводил бессонные ночи. Ирочка же спала, как младенец, то есть путая время суток. У нее установился своеобразный режим дня, грубо попирающий советы врачей о здоровом образе жизни. Ночами она могла обклеивать гипсовую лисичку луковой шелухой, собираемой долгие месяцы в специальный мешочек, а днем спать, даже не задергивая шторы. Но, несмотря на этот чудовищный образ жизни, радостный румянец не сходил с ее лица.

Кстати, про лисичку. С нее началась целая тема. Аркадий сперва встревожился, ведь шелуха не долговечна, выгорает на солнце и раскисает от дождя. Найдется ли покупатель? Потом понял, что в этом есть своя «фишка». Надо только умело позиционировать такой скоропортящийся товар. Превратить уязвимость в главный козырь. Искусство на час — это то, что могут позволить себе только богатые люди. Ведь покупают же букеты, которые живут пару дней. Его бывший шеф, желая похвастаться, рассказывал, что отдал бешеные деньги за какую-то африканскую розу, которую завезли в их город в единственном экземпляре. Понятное де-